

IV тема: Экономическое развитие на изменяющемся Севере

Циркумпольярные социо-экономические параллели – инструмент для совершенствования управления

Жерар Дюхайме¹

Цифры интересны: они без слов говорят о многом. При описании экономической реальности они могут быть использованы для анализа сильных и слабых сторон ситуации в регионе. Взятые за определенный период времени с учетом одних и тех же параметров, они могут использоваться для анализа тенденций и изменений. Для чего нам эти знания? Ответ зависит от роли действующего лица в социо-политической системе. Предприятие может предложить новые услуги и продукты для удовлетворения слабо обеспеченных потребностей. Ассоциация граждан, например, группа коренных жителей, исходя из своих интересов, может оказывать давление на правительство для преодоления недостатков или негативных тенденций. Региональная администрация может принять решение об использовании общественных ресурсов для преодоления недостатков или негативных тенденций в целях обеспечения интересов общества в целом.

В течение 15 прошедших лет мы разработали исследовательскую программу по созданию такого инструмента в Северной Канаде. Мы начали с того, что попытались собрать все имеющиеся достоверные материалы в единый банк данных на региональном уровне. Затем мы расширили банк данных на всю Северную Канаду. Сегодня мы можем проводить международные сравнительные исследования, представляющие интерес для тех, кто занимается вопросами экономического развития, управления и регулирования, и кто заинтересован в достижении успеха.

Взаимная заинтересованность

Сегодня мы можем, например, сравнить показатели по Северной Аляске, Северной Канаде, Гренландии и четырем областям северо-западной российской части евро-арктического Баренц-региона. Первое сравнение касается экономической структуры, т.е. определения вклада различных типов экономики в рост благосостояния. Это сравнение показывает, что, независимо от специфики экономического регулирования в различных странах, экономическая структура в регионах Арктики в целом имеет много общего при отчетливом преобладании сектора услуг. Единственным структурным отличием является более значительная доля сырьевого сектора в российской части Баренц-региона по сравнению с другими районами Арктики. Есть, правда, иного рода различия. Они могут быть документированы при более глубоком изучении цифр. При взгляде на добывающие отрасли мы обнаруживаем сходство всех Арктических регионов в том, что главной из сырьевых отраслей повсеместно является добыча полезных ископаемых, за исключением Гренландии с ее преобладающей рыбной промышленностью. Наряду с различиями можно заметить множество общих черт. По всей Арктике наиболее важной в секторе услуг оказывается административная деятельность, независимо от политического режима.

Такого рода результаты могут иллюстрировать общность структур и интересов у стран, регионов, правительств, предприятий и граждан циркумпольярной области. Эти параллели показывают, что

развитие в Арктике привело к возникновению сходных ситуаций, и, соответственно, решения и инициативы, найденные в одном регионе, могут быть релевантны для других мест. Судя по имеющимся количественным показателям, по всей Арктике сложились подчас поразительно сходные ситуации.

Однако очевидно, что регионам, помимо сходств, свойственны значительные различия. Если они не проявляются в одних цифрах, следует сравнивать другие. Одним из таких экономических показателей служит персональный доход.

Подобные международные сравнения весьма затруднительны. Во-первых, каждая страна использует собственную валюту, а сопоставление ситуаций в разных странах следует проводить в одной общей валюте. Мы при этом используем доллар США и обменный курс каждой национальной валюты к доллару США. Выбор обусловлен тем, что на долларе США основаны методы конвертации и анализа данных таких международных организаций как ОЭСР и ООН. Во-вторых, вне зависимости от обменного курса эквивалентные суммы не обладают равной покупательной способностью во всех странах. Одни и те же продовольственная корзина, одежда, топливо и т.д. в разных странах стоят неодинаково. Следовательно, сравнение ситуаций в различных странах предполагает эквивалентность. Для этой цели используется показатель, называемый паритетом покупательной способности. Достоверное сравнение персональных доходов в различных странах проводится в конвертированных данных. Скорректированные результаты дают следующую картину: по нашим подсчетам, самый высокий уровень жизни в Арктическом регионе фиксируется на Северной Аляске. При детализации видно, что этот уровень достигнут в основном в округе Северного Склона благодаря доходам от добычи нефти в Прудхоу Бей. Означает ли это, что инуиты стали северными эмирами? Не совсем. Более глубокий анализ общих показателей свидетельствует, что большой процент от суммарной величины доходов приходится на долю непостоянного населения Арктики, не говоря уже о том, что компании эти принадлежат международным корпорациям, а не представителям инуитов. Канадская Арктика занимает второе место по уровню жизни, при этом экономический базис построен на деятельности правительства и, в меньшей степени, на эксплуатации сырьевых ресурсов. Третье место занимает Гренландия. Как

уже говорилось, добывающий сектор Гренландии зависит, главным образом, от рыбопромышленности, где уровень оплаты труда ниже, чем в горных и нефтегазодобывающих отраслях. Однако самые большие различия наблюдаются между всеми этими регионами и российским Баренц-регионом. Их уровни жизни, с точки зрения персонального дохода, не имеют ничего общего.

При углубленном анализе этих цифр можно получить более полную картину, определив, например, сектора экономики, от которых зависят эти различия. Сравнивая сходные тенденции в разных регионах, можно не только лучше представить структурные различия, но и понять, что происходит, какие причины способствуют углублению различий и расхождений и т.д. Другими словами, можно обозначить сектора, в отношении которых должны быть разработаны, применены или улучшены политические меры, способствующие развитию этих секторов и усилению тенденций, отвечающих, по оценке региональных властей, интересам общества; либо, напротив, меры по предотвращению развития определенных отраслей и тенденций, несовместимых с этими интересами.

Наполовину циркумполярные параллели

До сих пор был возможен сбор достоверной демографической и экономической статистики в отношении половины циркумполярного мира – от Аляски до евро-арктического Баренц-региона. Задача получения и сопоставления этих данных, хоть и не проста, все же разрешима благодаря наличию статистических данных, подготовленных и опубликованных общественными службами. Во всех этих регионах национальные и местные власти осознают фундаментальное значение сбора статистических материалов и их структурирования для использования в сравнительных исследованиях.

Большая часть северной России не соответствует этой картине. Я хотел бы пояснить почему, с моей точки зрения, эта ситуация сохраняется без изменений в течение последнего десятилетия. Более того, я хотел бы пригласить региональные власти принять меры к исправлению сложившегося положения.

Я понимаю ситуацию следующим образом: до

1990 годов статистика по Российскому Северу либо не существовала, не была доступна, либо централизованно собиралась и контролировалась. В последнее десятилетие, однако, произошли значительные сдвиги. Реструктуризация власти дала так называемым региональным правительствам значительно больше полномочий, чем прежде. Республики, автономные округа и области представляют собой политическую силу, эквивалента которой не было в советские времена.

Перед новыми властными структурами стоят огромные задачи. Для их решения необходимо создать систему статистического мониторинга, которая позволит лучше изучить демографические и социо-экономические процессы, отследить развитие тенденций и, в конечном итоге, лучше на них реагировать.

Одновременно вследствие сближения экономических и политических систем происходит типологическое сближение информации, требуемой для обеспечения политической власти. Информация, необходимая для управления системой, основанной на строгом централизованном планировании и коллективной форме собственности, отличается от информации, необходимой для управления системой, включающей свободный рынок и частную собственность на средства производства. На самом деле любая система управления, которая должна реагировать на ситуации, должна отслеживать ситуации. На сегодняшний день базисная демографическая и социо-экономическая информация, представляющая общий интерес, может быть легко определена по итогам международного сотрудничества в этой области. Эта информация в той или иной мере нужна всем региональным правительствам Циркумполярной Арктики. Эта совершенно новая ситуация стала реальностью благодаря произошедшим в России в последнее десятилетие изменениям.

Иными словами, сегодня обозначилась историческая возможность создания инструмента, который будет лучше обеспечивать региональные интересы и в то же время позволит нам расширить знание и понимание реалий Арктики.

Приглашение

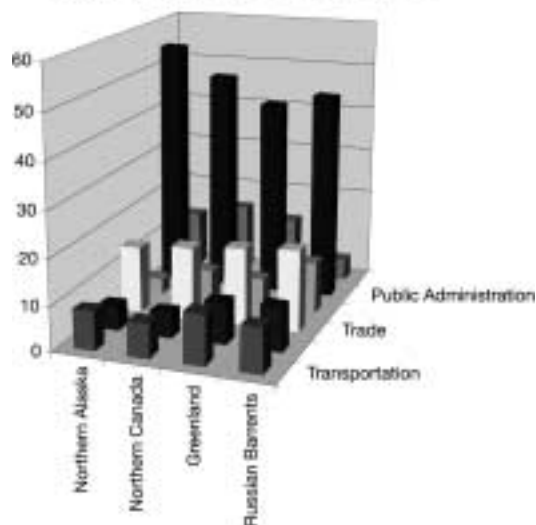
До сих пор мы могли сопоставлять экономические характеристики только в половине регионов Циркумполярной Арктики. По моему мнению,

Северный исследовательский форум и его участники имеют возможность и силы изменить эту ситуацию и максимально приблизить перспективу создания действительно циркумполярного экономического портрета.

Я хотел бы настоятельно рекомендовать региональным лидерам Российского Севера, а также руководителям других арктических регионов, объединиться для сотрудничества. Пути и формы необходимой кооперации многочисленны. Мы можем поделиться нашими знаниями о том, как получить лучшие данные и как лучше их получить. Когда они уже будут собраны, мы сможем обмениваться самими данными. Путем обмена соответствующими базами данных мы сможем достичь плодотворных сопоставлений, получить ответы на конкретные вопросы и т.д.

Какой бы положение Вы не занимали, я предлагаю Вам сотрудничество с нашей исследовательской программой, а также ресурсы, которые можно и нужно мобилизовать для обеспечения сотрудничества. Все мы обладаем специфическими знаниями, опытом и ресурсами; их эффективность может быть умножена за счет взаимобмена.

Tertiary Activities by Branch

Northern Alaska – Северная Аляска
 Northern Canada – Северная Канада
 Greenland – Гренландия
 Russian Barents – Баренц-регион России
 Public Administration – Общественное управление
 Trade – Торговля
 Transportation – Транспорт

В открытом мире, где мы все сегодня живем, ни одна группа не выигрывает от игнорирования собственной ситуации или ситуации у соседей. Каждый извлекает пользу из сравнений. В сопоставлениях лучшие идеи, лучшие решения и лучшие практические действия фиксируются, осмысляются, а затем распространяются. Этими путями их можно экспортировать или, иначе говоря, применять в регионах, где они окажутся эффективными для улучшения жизни народов Арктики.

Примечания

- ¹ Жерар Дюхайме был президентом Международной ассоциации арктических социальных наук (IASSA) с 1998 по 2001 гг., руководителем группы изучения инуитов и циркумполярных исследований (GETIC) в университете Лаваль, Канада. Сейчас он возглавляет кафедру Луи-Эдмона-Амелина, где руководит крупными циркумполярными исследовательскими проектами. Адрес: Gérard Duhaime, a/s GÉTIC, Pavillon Charles-de-Koninck, local 0450, Université Laval, Québec. G1K 7P4 Canada.

Gerard.Duhaime@fss.ulaval.ca

Развитие местной экономики на Севере: три гипотезы

Ли Хаски

Местная экономика Севера представляет собой загадку. Сообщества и регионы Севера, по большей части, входят в состав самых богатых стран мира. Однако многие из этих экономических районов относительно бедны, с низким уровнем доходов и высокой безработицей. В настоящей работе рассматриваются вопросы развития местной экономики Севера и предлагаются три гипотезы, объясняющие особенности развития северных регионов.

По совокупному производству на душу населения восьми арктических стран (Дания, Исландия, Канада, Норвегия, Россия, США, Финляндия и Швеция) регион соответствует тринадцатой позиции в списке самых богатых стран мира. Арктические страны, за исключением России, входят в двадцатку богатейших стран мира. Россия значительно отстает от других арктических стран (The Economist 2002).

В этих арктических странах есть регионы и общины с низким уровнем экономического развития. Одним из показателей ограниченного экономического развития некоторых регионов является низкий уровень занятости. В районах сосредоточения коренного населения в Западной Аляске уровень безработицы был на 50% выше, чем средний по Аляске, с учетом переставших искать работу (Huskey 1992). В арктических районах Канады прогнозируемый уровень безработицы среди коренного населения составил 40% (Stabler and Howe 1990). Уровень безработицы в Средней Сибири после развала субсидируемых государством экономических структур советского периода превышал 90% (Anderson 2000).

Предлагаю рассмотреть три гипотезы. Север представляет различные варианты развития. Одни районы развивались успешно, другие заметно отставали. Сравнение различных вариантов северного опыта позволит обществоведам проверить и развить эти гипотезы. Заключительный раздел статьи содержит версии политических решений, соответствующих найденным объяснениям.

Постановка вопроса

Дискуссии по экономическому развитию часто фокусируются на роли правительства. Первым обычно задается вопрос: "Что может сделать правительство для улучшения экономической ситуации в регионе?" В настоящей работе вопрос ставится иначе. В рыночной экономике предприниматель выступает исходным фактором экономического роста. Поиск новых возможностей часто ведет его через границы к новым идеям в новые регионы. Вопрос о развитии северных регионов мира можно ставить как вопрос о наличии предпринимателей в регионе. Я полагаю, что развитие прямо зависит от суммы усилий предпринимателей. Вопрос данной статьи формулируется так: "Что влияет на движение предпринимателей в арктические регионы мира?"

Это не означает, что мы можем игнорировать роль правительства в местном экономическом развитии. Власть на всех уровнях играла активную роль в экономическом развитии Севера. Правительство субсидировало рост различными способами, предоставляя налоговые льготы, развивая инфраструктуру и направляя прямые субсидии. Правительство также сдерживало рост, ограничивая ресурсопользование или поощряя неце-

лесообразное ресурсопользование. Понимание детерминант предпринимательской деятельности поможет сделать усилия власти более эффективными.

В течение многих лет экономисты считали, что хорошей политики достаточно для обеспечения экономического развития. Теории последнего времени сосредоточены на роли долговременных институтов и географии. География и среда региона влияют на ресурсы производства и способ производства товаров и услуг (Sachs 2001; Sokoloff and Engerman 2000). География может также ограничивать доступ к мировым рынкам. Институты отражают набор правил, которыми регулируется экономическая деятельность. Институты могут ускорять или замедлять рост (North 1991; Olson 1996). Недавние исследования уделяют особое внимание роли географии и экологии в создании экономических институтов (Easterly and Levine 2002; Acemoglu, Johnson, and Robinson 2001). Из нижеследующих гипотез две первые отражают роль географии в развитии Севера, последняя сосредоточена на институтах Севера.

Гипотеза I: Недостаток информации сдерживает развитие

Экономическое развитие Севера основано на разработке ресурсов, подобно большинству пограничных или периферийных районов (Watkins 1972). Возможно, простейшим объяснением ограниченного экономического развития Севера может быть скудость информации о ресурсах Севера. Другими словами, природные ресурсы для развития существуют, но о них никто не знает. Недостаток знаний о ресурсах обусловлен географически и исторически.

Северные природные ресурсы большей частью скрыты под землей, и искать их дорого. Поиск может быть затратным и рискованным. Чем более ценны ресурсы, тем интенсивнее их поиск. Затраты на поиск зависят от существующего задела, поскольку инфраструктурное развитие и опыт привлечения предпринимателей снижают поисковые затраты.

Малое число местных предпринимателей сдерживает поиск ресурсов Севера. Сторонний предприниматель может пойти на риск и затратный поиск на неизвестном Севере лишь в расчете на большую

удачу (Huskey 1985). Предприниматели обычно не блуждают далеко от дома. Они лучше знают местную среду, и локальные знания помогают им добиться успеха. Чем больше предпринимательских ресурсов привлекается на Север, тем выше уровень знания местных условий. Это взвешенная экономика поиска, снижающая уровень затрат и риска.

Гипотезу ограниченной информации, кажется, легко опровергнуть. Север уже переживал периоды притока предпринимателей и поиска природных ресурсов. Осуществлялись частные и крупномасштабные предпринимательские проекты по изучению и разработке ресурсов Севера. Однако недостаток информации по-прежнему остается сдерживающим фактором, поскольку прошлые поиски велись в расчете на высокую прибыль или низкие затраты при разработке богатых месторождений. Например, золотая лихорадка на американском Севере в основном совпала с экономической депрессией, которая способствовала росту цен на золото и снижению затрат на поиски. Если прошлые усилия не обеспечивали общий рост знаний о ресурсах северных регионов, небольшие месторождения могли не разрабатываться из-за недостаточной их разведанности.

Гипотеза II: Удаленность повышает затраты и ограничивает развитие

Удаленный регион отстранен от существующих рынков и имеет относительно небольшой местный рынок. Экономическая удаленность может быть результатом физической удаленности, отсутствия инфраструктуры, политической напряженности. Какой бы ни была причина, экономическая удаленность повышает стоимость ресурсных работ. Высокий уровень затрат ограничивает возможности развития Севера (Leven 1986).

Затраты в удаленных регионах высоки по двум причинам. Во-первых, расстояние до рынков и источников нересурсных составляющих повышает стоимость производства и доставки сырьевой продукции. Во-вторых, узкий внутренний рынок предопределяет малый масштаб производства, что приводит к высокой себестоимости единицы местной продукции. Малый объем также означает слабость инфраструктуры – жилья и транспорта. Производители сырья вынуждены нести дополни-

тельные расходы на развитие такой инфраструктуры.

Удаленность и связанные с ней большие затраты означали в прошлом, что ресурсная разработка велась на крупных месторождениях ценного сырья, оправдывавших высокие затраты. Такие богатые прииски доминировали в истории освоения Аляски и других северных регионов. Взвешенная экономика этих месторождений позволяет снизить затраты на единицу продукции, чем компенсирует дороговизну удаленности.

Эффект удаленности можно снизить вложениями в инфраструктуру, например, транспортную коммуникацию. Разработка богатых месторождений уменьшает стоимость работ в удаленном регионе. Инфраструктура, созданная для богатых месторождений, облегчает разработку менее ценных ресурсов, делая ее экономически осуществимой. Продукция богатых месторождений может изменить условия удаленности.

Повышение цен на сырье способствует разработке удаленных ресурсов, снижая относительный уровень затрат на единицу продукции. Однако повышение цен может обернуться проблемой для разработки природных ресурсов в удаленных регионах, поскольку стимулирует создание технологических заменителей, независимых от фактора расстояния.

Гипотеза III: Северная общинность как ограничитель развития

Наиболее существенным институциональным ограничением в развитии Севера может быть недостаток четко прописанных норм собственности. Право частной собственности способствует экономическому росту. Права собственности являются примерами эффективных институтов, направляющих персональные усилия на производительную деятельность. Эти права наделяют конкретную группу собственностью и механизмом принятия решений по ресурсопользованию. Эти права могут принадлежать отдельным людям, корпорациям или общинам коренных жителей (Ostrom 1990). Для развития экономики права собственности должны быть защищены и передаваемы. При ограничении частной собственности на Севере доминирует общинное право, и это сдерживает экономическое развитие.

Общинное пользование ресурсами влияет на экономическое развитие тремя способами. Во-первых, возобновляемые ресурсы могут разрушаться из-за многократно обсуждавшейся “трагедии общинности” (Hardin 1968). Отсутствие собственника означает, что никто конкретно не заинтересован в сохранении ресурсов на перспективу или в инвестировании средств для повышения производительности ресурсов. Во-вторых, общинность повышает стоимость производства. Отсутствие четких прав частной собственности обычно означает, что общинная эксплуатация ресурсов оказывается неоправданно трудо- и капиталоемкой вследствие конкуренции предпринимателей за право аренды. Все, что снижает производительность или повышает и без того значительные затраты на Севере, ограничивает развитие.

Административное право и регулирование общинного пользования на Севере может смягчить “трагедию общинности”. Однако при общинном пользовании принятие решений становится более сложным. Общинность осложняет развитие внешними эффектами. В результате принятых решений затраты несут одни, а выгоды получают другие. Когда решения об использовании ресурсов принимаются на политическом уровне, ни одна сторона не учитывает затрат других, поскольку никто не обязан компенсировать убытки проигравшей стороны.

Политические решения в таких условиях могут замедлить, удорожить и сделать невозможным эффективное использование ресурсов. Это также может привести к принятию решений, негативные социальные последствия которых перевешивают выгоды. Для северных регионов эффект общинности может быть особенно значим, когда решения принимаются на национальном уровне (Hickel 2002; Rasmussen 1999).

Выводы

Правительственная политика в отношении Севера должна основываться на понимании факторов, стимулирующих или сдерживающих экономический рост северных регионов. Существуют возможные политические решения в рамках каждой из гипотез. Если ограничивающим фактором является недостаток информации, правительство может рассмотреть возможность субсидирования разведочных работ. Правительства могут

сами организовывать поисковые работы. Если сдерживающим фактором является удаленность, правительство может субсидировать развитие инфраструктуры. В обоих случаях развитие Севера оказывается в зависимости от щедрости остальной части страны и неподконтрольно местному населению. Недостаток желания и возможностей центрального правительства передавать ресурсы в более бедные регионы вызывает проблемы в некоторых районах Севера (Pika 1999).

Если ограничивающим фактором является общинное пользование, правительство может способствовать развитию частной собственности. Движение за права на землю на Аляске и в Канаде положило начало переходу ресурсов под контроль местных жителей. Местные собственники имеют стимулы к разработке ресурсов, когда выгоды перевешивают затраты.

В настоящей работе были представлены три гипотезы, которые могут объяснить ограниченность развития некоторых регионов в семи арктических странах. Эти гипотезы по большей части отражают опыт освоения Аляски. Другие исследователи Севера, возможно, смогут пополнить этот список опытом других регионов. В таком виде многообразие опыта северных регионов может стать своего рода лабораторией по определению факторов успешного экономического развития.

Литература

- Acemoglu, D. S. Johnson, and J. Robinson. 2001. "The Colonial Origins of Comparative Development: an Empirical Investigation." *The American Economic Review* 91(5):1360-1407.
- Anderson, D. 2000. "The Evenkis of Central Siberia". In: M. Freeman(ed.) *Endangered Peoples of the Arctic: Struggles to Survive and Thrive*. Westport: Greenwood Press.
- Easterly W. and R. Levine. 2002. *Tropics, Germs, and Crops: How Endowments Influence Economic Development*. Working Paper 9106. National Bureau of Economic Research.
- The Economist. 2002. *Pocket World in Figures, 2003 edition*. London: Profile Books.
- Hardin, G. 1968. "The Tragedy of the Commons." *Science* 162: 1243-48.
- Hickel, W.J. 2002. *Crisis in the Commons: The Alaska Solution*. Oakland: Institute for Contemporary Studies.
- Huskey, L. 1985. "Import Substitution: The Hidden Dynamic in the Growth of Frontier Regions." *Growth and Change* 16(4): 43-55.
- Huskey, L. 1992. *The Economy of Village Alaska*. Institute of Social and Economic Research, University of Alaska Anchorage.
- Leven, C. 1986. "A Note on the Economics of Remoteness." In E. Bylund and U. Wiberg (eds.) *Regional Dynamics of Socio-economic Change – The Experiences and Prospects in Sparsely Populated Areas*. CERUM: University of Umea.
- North, D. 1991. "Institutions." *The Journal of Economic Perspectives* 5(1): 97-112.
- Olson, M. 1996. "Big Bills Left on the Sidewalk: Why Some Nations are Rich and Other Poor." *The Journal of Economic Perspectives* 10(2): 3-24.
- Ostrom, E. 1990. *Governing the Commons*. New York: Cambridge University Press.
- Pika, A. 1999. *Neo-traditionalism in the Russian North*. Edmonton: Canadian Circumpolar Institute and Seattle: University of Washington.
- Rasmussen, O. 1999. "Conditions for Sustainable Development in the Arctic – A General Perspective" in H. Petersen and B. Poppel (eds.) *Dependency, Autonomy, Sustainability in the Arctic*. Aldershot: Ashgate.
- J. Sachs. 2001. *Tropical Underdevelopment*. Working paper 8119. National Bureau of Economic Research.
- Sokoloff, K. and S. Engerman. 2000. "History Lessons: Institutions, Factor Endowments, and Paths to Development in the New World." *The Journal of Economic Perspectives* 14(3): 217-232.
- Stabler, J. and E. Howe. 1990. "Native Participation in Northern Development: the Impending Crisis in the NWT." *Canadian Public Policy* 16(13): 263-283.
- Watkins, M. 1972. "A Staple Theory of Economic Growth" in E. Johnson and D. Kammerschen (eds.) *Readings in Economic Development*. Cincinnati: Southwestern.

Нефть и олени. Традиционные методы выбора оленьих пастбищ у коми оленеводов и их связь с конфликтом интересов в области землепользования

Кирилл Истомин

Хорошо известно, что одним из проблемных аспектов устойчивого развития Российской Арктики являются конфликтующие интересы землепользования при промышленном освоении северных территорий (осуществляемом у нас в основном в форме добычи полезных ископаемых), с одной стороны, и ведении традиционных систем хозяйствования коренным населением Севера, с другой. Среди последних на значительной части Российского Севера важное место занимает кочевое оленеводство. Давно было указано (см. например, Крупник 1989, Баскин 1968), что эта отрасль традиционного хозяйства, являющаяся для многих народов Севера основой жизнеобеспечения, очень чутко отзывается даже на минимальные изменения природно-экологической обстановки как естественного, так и техногенного происхождения. Тем не менее, механизм этого влияния до сих пор остается малоисследованным, а влияние тех или иных осуществляемых на Севере экономических проектов на систему традиционного хозяйствования – непредсказуемым. Можно предположить, что и механизм, и влияние должны зависеть от конкретной технологии оленеводства и, таким образом, изменяться от культуры к культуре и от народа к народу. С этой точки зрения большое научное и практическое значение приобретают исследования традиционного хозяйства конкретных оленеводческих культур в ракурсе этноэкологии, т. е. отрасли этнологии, занимающейся исследованием взаимодействия культуры со вмещающей ее природной средой.

Результатам такого исследования и посвящен настоящий доклад. Исследование проводится автором в течение 3-х лет среди коми оленеводов Большеземельской тундры на северо-востоке европейской части России. Данный регион характеризуется, с одной стороны, неплохой сохранностью традиционных форм оленеводческого хозяйства, с другой, – достаточно высокими темпами промышленного освоения, в основном в форме нефте- и газодобычи, из-за чего конфликт землепользования приобретает здесь особую остроту. Эмпирический материал для исследования был собран в ходе трех полевых сезонов общей длительностью 7 месяцев (две поездки совершены совместно с аспирантом Кембриджского университета Марком Двайером, работающим среди коми оленеводов по сходной теме). Полевые работы позволили собрать информацию о большей части производственного цикла коми оленеводов (с мая по декабрь). Основными методами сбора материала были включенное наблюдение и качественное интервьюирование оленеводов, в том числе с привлечением приемов когнитивной антропологии. Полученный материал подвергался впоследствии лабораторной обработке с целью выяснения экологического (адаптивного) значения выявленных приемов и технологий оленеводства.

В настоящем докладе я хотел бы коснуться одного из аспектов системы оленеводческого хозяйства, связанного с традиционными методами выбора и оценки пастбищ. Этот аспект занимает в указан-

ной системе одно из центральных мест и представляется особенно интересным в практическом плане для решения проблемы конфликтного землепользования.

Выбор и оценка территории, т.е. принятие решения о том, где лучше выпасать оленей в рамках имеющейся оленеводческой технологии, является главным звеном процесса землепользования, можно сказать, его сутью. Методы выбора и оценки территории базируются на традиционных знаниях оленеводов об экологических особенностях тундры и северной тайги, биологических и этологических характеристиках северного оленя, сезонных изменениях растительного покрова и поведения животных, а также путях миграции других оленеводческих групп. При выборе и оценке территории принимаются во внимание погодные факторы и особенности ландшафта, а также местоположение других оленьих стад. Исходя из этого, конкретные методы выбора места выпаса оленей изменяются в зависимости от времени года, погодных условий, наличия гнуса, местоположения оленеводческой группы относительно других групп. Тем не менее, проведенное исследование дает возможность выделить в оленеводстве коми ряд общих принципов выбора и оценки мест выпаса, остающихся неизменными или меняющихся только в зависимости от сезона года.

В биологической, экологической и части этнографической литературы, посвященной региону Большеземельской тундры и притундровой полосы, часто можно встретить утверждения типа «все пространство Большеземельской тундры представляет собой фактически одно огромное оленье пастбище» (см. напр. Керцелли 1911, Бабушкин 1930, Чернов 1980). Утверждение это, хотя, возможно, и верное с биологической точки зрения (в том смысле, что в Большеземельской тундре, исключая незначительные участки выветривания, скальные выходы и, на севере, лишённые растительности вершины холмов, фактически не существует мест, где северный олень не мог бы добыть себе корм), не выдерживает критики с точки зрения этноэкологии. Территория, используемая оленеводами для выпаса стад, должна содержать кормовые ресурсы в таком количестве и такого качества, чтобы обеспечить прирост стада, достаточный для удовлетворения культурно определяемых нужд (в пище, одежде, жилище, транспорте, а у коми оленеводов, традиционно еще и реализуемой на рынок продукции – мясе и шку-

рах). Выпас оленей на иной территории был бы, по меньшей мере, бессмысленным с точки зрения традиционной экономики и, следовательно, невозможным. Кроме того, существенные ограничения относительно территории, доступной для оленеводческого использования, связаны с технологией оленеводства, т.е. приемами контроля и защиты оленьего стада. Не вдаваясь в подробности выявленной технологии коми оленеводства (что заняло бы слишком много времени), заметим лишь, что объем труда, необходимого для устойчивого контроля над оленьим стадом, всегда прямо пропорционален размеру стада и объему кормовых ресурсов на территории. Чем меньше корма для оленей, тем беспокойнее ведет себя стадо, и тем труднее его контролировать. Учитывая, что для коми оленеводства традиционно характерны большие стада (даже сейчас они в большинстве оленеводческих бригад насчитывают 3000–3500 голов), выпасаемые обычно 1 (реже 2) ежесуточно меняющимися пастухами с 2–4 оленегонными собаками, несложно понять, почему на довольно больших территориях, обладающих солидными кормовыми запасами, объем труда, необходимого для устойчивого контроля над стадом, оказывается «непосильным» для коми оленеводов. Судя по неоднократно подтвержденной в ходе полевой работы информации, именно «непосильность» контроля над оленьим стадом, а не отсутствие кормовых ресурсов, является основным побудительным мотивом смены территории выпаса для коми оленеводов. На самом деле кормов на использованной территории остается довольно много: по нашим наблюдениям на летних пастбищах совхоза «Большая Инта», после ухода трехтысячного стада оленей лишь каждый третий куст карликовой березы (основного вида растительности на территории) носил следы объедания оленями. Тот же факт подтверждается сообщениями оленеводов, что оставленные большим стадом пастбища могут в тот же год быть использованы на короткий срок другими стадами меньшего размера. Этот факт, кстати, вселяет серьезные сомнения в точности используемого в настоящее время метода определения емкости оленьих пастбищ исключительно по количеству кормовых ресурсов.

Кроме того, степень сложности контроля над оленьим стадом, по крайней мере, в рамках коми оленеводческой технологии, зависит от типа растительности и рельефа. Проведенные в ходе полевой работы интервью и личные наблюдения указывают, что коми оленеводы испытывают

гораздо меньшие сложности при выпасе стад в местах, лишенных высокой растительности (покоми *мольд места*), чем на участках кустистой тундры (*рошиша*) и, особенно, тайги. В последних стадо часто разбивается на мелкие группы оленей (*орасьо*), которые трудно собрать. С экологической точки зрения этот факт легко объясняется тем, что стадный инстинкт оленей, удерживающий их в стаде, является реакцией, прежде всего, на зрительные раздражители. В местах, где животные не могут видеть друг друга, их связь в стаде значительно ослабевает. Кроме того, высокая растительность создает серьезные препятствия для использования упряжного оленьего транспорта (вплоть до невозможности его использования в тайге), что сильно ограничивает возможности пастухов быстро реагировать на изменения обстановки в оленьем стаде. В силу этих же причин оленья стада легче контролировать на относительно ровных участках тайги и тундры, чем на участках с неровным рельефом (*пиндей места*).

Наконец, следует упомянуть и такой фактор, как увлажненность территории. Как отмечали в ходе интервью многие информаторы, олени не любят влажных мест и всегда стремятся как можно скорее их покинуть. Таким образом, выпас оленей на увлажненной (заболоченной – *сада*) территории гораздо более трудоемок и гораздо менее эффективен, чем на сухой, поскольку олени, стремясь убежать, не используют всех кормовых запасов, несмотря на их обилие.

Все эти факторы служат основой для используемых нами методов оценки территории. Из сказанного понятно, что с точки зрения коми оленеводов территория тем лучше приспособлена для выпаса оленей, чем она ровнее, суше, чем меньше на ней высокой растительности и чем больше на ней корма. Тип корма у оленей, как известно, меняется в течение года. Его запасы в тундре и тайге распределены в зависимости главным образом от рельефа и увлажненности территории. Все эти факторы находят отражение в применяемой нами оленеводами терминологии, используемой при оценке пригодности территории для выпаса. Интересно, что многие термины заимствованы из ненецкого языка, что, видимо, отражает исторические корни терминологии.

Прежде всего, различаются возвышенности (*мусюр, мыльк*) и низменности (*гон, лайда, гладь*). В пределах обоих выделяют кустистые участки

(*рошиша*), участки, покрытые деревьями, перелески (*вор, ворди*) и участки, лишенные высокой растительности (*мольд места*). Далее классификация развивается по признакам сухости-влажности и соответствующей растительности. Сухие холмы и возвышенности, покрытые ягелем, называют *ярей* – их считают наиболее подходящим местом для выпаса оленей. Возвышенные, но более влажные участки, обычно покрытые травой, называют *нярцо*. Среди низменностей выделяют *гладь* – территорию, покрытую разнотравьем, *пача* – участки, покрытые кустарничками (обычно карликовой березой или карликовой ивой), и *лома гладь* – слегка холмистую сухую низменность, покрытую травой и ягелем. Участки со значительным увлажнением носят название *сада*, их разделяют на несколько подтипов (*садуку, зыбун, плавун* и т.д.) в зависимости от степени увлажненности, проходимости и внешнего вида. Отдельным термином выделяются торфяники (*момга*). Кроме того, существует ряд терминов для обозначения разных типов территории в лесной полосе: *пяседа* (сухое безлесное тундроподобное пространство, обычно привязанное к склонам Урала), *яг* (сухой сосняк, бор), *нюр* (лесное болото), *дав* (плотный еловый лес).

Наилучшим местом для выпаса оленей в летний период является *ярей*, за ним идут *лома гладь, пача* и *гладь*, особенно располагающиеся в пойме или на полуострове, образованном излучиной реки (наличие труднопроходимого для оленей рубежа – реки – облегчает контроль). Следует заметить, что кустистая тундра (*рошиша*) и переувлажненные участки, несмотря на обилие кормовых ресурсов, считаются малопригодными для выпаса оленей из-за трудностей контроля. В лесной полосе, как отмечают сами оленеводы, больше всего корма находится в борах (*яг*), однако невозможность применения упряжки делает их малопригодными. Обычно используются *пяседа* и *нюр* (там олени могут питаться желтой прошлогодней травой).

При выборе мест выпаса принимается во внимание и стадия хозяйственного цикла. Коми оленеводы различают три типа пастбищ: *гожаланін* (летнее пастбище), *товьянін* (зимнее пастбище), *пиясьанін* (отельное место) и *ветланін* (досл. проход, прогонный путь). Наиболее высокие требования предъявляются к отельным местам: единственные пригодные для них территории – *гладь*, особенно покрытая небольшими холмиками, способствующими росту ягеля (*лома гладь*) или большой и относительно ровный *ярей*, т. е. ровные участки, покрытые травой и ягелем. При этом важным счи-

тается наличие недалеко холма, с вершины которого оленевод может наблюдать за ходом отела. Для зимних пастбищ рельеф считается менее важным, однако они не должны содержать частой высокой растительности. К летним пастбищам предъявляется единственное требование – отсутствие высоких кустов (*рошиша*); для них подходит всякая не заболоченная территория без высокой растительности (*мольыд места*). Наконец, проход, т.е. территория, используемая для перегона и выпаса оленей между указанными выше тремя типами пастбищ, может располагаться везде, кроме мест, покрытых лесом и высокими кустами.

Отметим, что здесь описаны минимальные требования к территории, которые позволяют использовать ее для выпаса оленей в конкретный период. Удовлетворяющие этим требованиям места могут разниться по качеству в соответствии с описанной выше градацией типов территорий, что позволяет оленеводам говорить о хороших и плохих летниках, зимних пастбищах и т.д. Например, идеальным зимним пастбищем считается *пяседа*, немного хуже – болото (*нюр*). Боры (*яг*), несмотря на то, что деревья в них располагаются редко, представляют значительные трудности для упряжного транспорта (там обычно пасут на лыжах) и используются только «на худой конец», когда кормовых ресурсов в других местах недостаточно или они малодоступны, например из-за наста. Равным образом, хорошее летнее пастбище должно располагаться на *ярее*, *лома глади* или *паче*, идеальное – на *дуке* или в пойме реки. Хороший проход не должен содержать кустарниковых участков и т.д. В заключение следует отметить, что чем больше размер выпасаемого стада, тем более высокого качества пастбищ (в системе оценок оленеводов) оно требует.

Какое применение данная информация может найти при решении проблем землепользования? Прежде всего, она позволяет скорректировать методы оценки ущерба оленеводству (в данном

случае коми), наносимому нефтедобычей, в частности оценивать ущерб не в терминах уничтожения кормовых ресурсов, а в терминах разрушения территорий, пригодных к использованию с учетом оленеводческой технологии, что представляется гораздо более реальным. Во вторых, она позволяет скорректировать методы отвода земель под нефте- и газодобычу так, чтобы они приносили минимальный ущерб оленеводству. Из вышеизложенного ясно, что строительство нефтяных вышек на переувлажненных местах, в кустистой тундре и плотном лесу (вдали от мест, пригодных для отельных пастбищ), принесло бы коми оленеводству гораздо меньше вреда, чем аналогичное строительство в других местах, вне зависимости от выводимых из оборота пастбищных ресурсов (ягеля, травы). Идеальным с этой точки зрения представляется составление карты относительной ценности территории с точки зрения оленеводов. Не требуя серьезных материальных затрат для своего составления, такая карта могла бы существенно помочь решению проблем землепользования.

Литература

- Бабушкин А. И. 1930. Большеземельская тундра. Сыктывкар, Издание Коми обстатотдела.
- Баскин Л. М. 1968. Экологические основы северного оленеводства. Автореф. дисс. канд. биол. наук. М: МГУ.
- Чернов Ю. И. 1980. Жизнь тундры. М.: Мысль.
- Керцелли С. В. 1911. По Большеземельской тундре с кочевниками. Архангельск, Губернская типография.
- Крупник И. И. 1989. Арктическая этноэкология. М.: Наука.

Внешняя зависимость Гренландии: факторы развития и неустойчивости

Джоан Ниманд Ларсен

Экономика стран Арктики характеризуется малым объемом, рассредоточенностью населения, удаленностью и труднодоступностью, ограниченной ресурсной базой и климатом, который сам по себе является проблемой. Именно эти структурные особенности обусловили высокий уровень экономической нестабильности, а также значительную экономическую зависимость, по сей день свойственную этому региону. Поиски устойчивого решения проблем экономического развития проводились по разным направлениям, но с осознанием того, что экономическое развитие не может происходить в изоляции от внешних рынков. Экономика Арктики продолжает искать пути преодоления многих препятствий. Впрочем, развитие – длительный процесс, требующий, помимо прочего, учета ограничений, обусловленных структурными особенностями. Стратегия развития должна формироваться с учетом зависимости и ее вероятных неблагоприятных последствий для стабильности и экономического роста. Необходимы более систематические исследования вопросов о взаимосвязи между внешней зависимостью, темпами роста и нестабильностью, о факторах экономического развития Арктики.

В настоящей работе анализируется внешняя зависимость Гренландии, с особым акцентом на факторах экономического роста и нестабильности. В литературе почти не уделяется внимания количественной оценке экономической зависимости и уровню нестабильности, не анализируется соот-

ношение между ними. На примере Гренландии как одной из арктических стран автор попытается показать связь между зависимостью, ростом и нестабильностью, с акцентом на торговой зависимости и ее соотношении с ростом и нестабильностью. Представленные результаты эмпирического анализа основаны на макроэкономическом анализе временных рядов экономики Гренландии в период 1955–2000 гг. (см. Larsen 2002a, 2002b).

Экономическая зависимость Гренландии

Экономически Гренландия становится все более современной, однако по-прежнему сильно зависит от финансовой поддержки Дании, ее технологий и рынков для своей продукции. Это подтверждается крупными ежегодными перечислениями из Дании, большой зависимостью от датского персонала, высокой степенью торговой зависимости и концентрации торговли (Larsen 2002b; Danielsen et al. 1998; Rådgivende Udvalg Vedrørende Grønlands økonomi 1997). Прогресс в экономике осложняется географическим положением и реалиями Арктики, удаленностью и труднодоступностью, небольшим и рассредоточенным населением, жестким арктическим климатом. Экономика Гренландии характеризуется недостатком рабочих мест и экономических возможностей (см. Grønlands Hjemmestyre 1994). Это частично связано с крайне ограниченным рынком, отсутствием

инфраструктуры, скудостью ресурсной базы, общей удаленностью и разбросанностью городов и поселков, многие из которых изолированы не только от внешней экономики, но и друг от друга (см. Lyck 1987; Poole 1990).

Уровень внешней зависимости Гренландии характеризуется ее значительными связями с Данией в сферах финансов, торговли и технологий. Под зависимостью понимается ситуация, когда рост доходов страны значительно, если не полностью, зависит от внешних обстоятельств, особенно экспорта, импорта, внешних финансовых поступлений и технологий. Экономические структуры зависимых экономик, как правило, характеризуются определенным набором параметров, которые в разной степени представлены и в Гренландии. Во-первых, связи между различными секторами экономики, как правило, незначительны и ограничены. Лишь небольшая доля продукции служит вкладом в другие сектора внутренней экономики. Во-вторых, ресурсопользование, как правило, отличается меньшей гибкостью, чем в развитой экономике. Существуют значительные ограничения в адаптации производимой номенклатуры товаров к внешним эффектам и потрясениям. В третьих, экономический рост сильно зависит от внешних факторов; колебания внешнего спроса во многом определяют использование производственных мощностей в полном объеме и их наращивание за счет поступления и размещения крупномасштабных инвестиций. В четвертых, существует значительное несоответствие между структурой внутреннего спроса и использованием внутренних ресурсов, что отражается в высоких коэффициентах экспорта и импорта, высокой концентрации товарного экспорта и низкой концентрации товарного импорта. И, наконец, внутренние институты, как правило, в значительной степени управляются и контролируются внешней средой. Если судить по этим критериям, можно заключить, что Гренландия сохраняет значительную степень зависимости от внешней среды. В то же время далеко не все страны, считающиеся зависимыми, оказываются в безвыходной ситуации, когда контроль и регулирование извне обрекают их на низкие темпы роста и низкий уровень доходов. Напротив, уровень зависимости, оцениваемый по различным показателям, может со временем изменяться. В Гренландии уровень зависимости менялся в различные периоды, и значение некоторых ключевых индикаторов с момента введения самоуправления снижалось; но общая картина остается в основном

неизменной: зависимость от Дании сохраняется, притом на высоком уровне (анализ индикаторов зависимости Гренландии см. Larsen, 2002a, 2002b).

Ниже представлены результаты эмпирического исследования соотношений между внешней зависимостью, экономическим ростом и отсутствием стабильности. Рассматриваются вопросы: сдерживает ли зависимость экономический рост, до какой степени нестабильность ассоциируется с зависимостью, тормозит ли нестабильность экономический рост Гренландии? Экономика Гренландии очень невелика и в значительной части основана на природных ресурсах, в результате чего даже небольшие потрясения могут на нее существенно повлиять. Следовательно, при анализе коротких промежутков времени есть риск не заметить реальную динамику зависимости и нестабильности, поскольку степень зависимости и экономической нестабильности будет соответствовать конкретному году. Во избежание этой погрешности результаты представленного здесь эмпирического анализа помещены во временные ряды с конца колониального периода до настоящего времени, что позволяет проанализировать состояние зависимости в контексте истории (там же).

Торговая, финансовая и технологическая зависимость

Результаты оценки зависимости Гренландии от международной торговли по коэффициенту концентрации Хиршмана-Гири и трехзначному коду Стандартной международной торговой классификации (SITC) показывают, что торговля характеризуется высокой товарной и географической концентрацией экспорта, низкой концентрацией товарного импорта и высокой географической концентрацией импорта; это свидетельствует о том, что Гренландия экспортирует ограниченную номенклатуру товаров на ограниченное число рынков, в то время как высоко диверсифицированный импорт поступает из большого числа стран (Larsen 2002a, 2002b; Statistics Greenland, Yearbook 2000; Statistics Denmark, Yearbook разные годы). Подобные коэффициенты концентрации характеризуют по ключевым признакам небольшую, сверх-специализированную, имеющую узкую базу и зависимую экономику. В частности они указывают на ограниченность производства, нацеленного в основном на внешние рынки, что

вызывает необходимость импорта широкого ассортимента потребительских товаров и полуфабрикатов. Гренландия ведет торговлю преимущественно с Данией, что соответствует большой доле Дании в структуре импорта и экспорта. Экспорт состоит в основном из сырья, в первую очередь рыбы (креветки, палтуса и трески) и, до недавнего времени, минералов (цинка, свинца и криолита) (Statistics Greenland, Yearbook 2000). Доля сырьевого экспорта в период 1955–2000 гг. колебалась в диапазоне от 86 до 96%. Показатель рассчитывается как процент сырьевого экспорта от всего объема экспорта. В настоящее время около 93% всех экспортных доходов поступает от экспорта сырья, при этом почти 100% из них приходится на экспорт рыбы. Высокая концентрация экспорта осложняется тем, что экспорт Гренландии концентрируется на небольшом количестве сырьевых продуктов, и значительную его долю составляют первично переработанные или вовсе не переработанные товары; соответственно, Гренландия теряет добавочную стоимость, упускает возможность создания рабочих мест и развития внутреннего экономического потенциала (см. Larsen 2002a; Poole 1990, 1992). В рассматриваемый период доля сырьевого экспорта оставалась высокой, в пределах 90%. Однако доля рыбы в экспорте увеличилась, что отражает прежде всего прекращение экспорта минералов. Концентрация товарного импорта оставалась относительно стабильной, в то время как в концентрации товарного экспорта наблюдались довольно значительные колебания, с тенденцией к снижению концентрации в конце 1990-х гг. Снижение концентрации экспорта в последние годы частично отражает акцент на видовой диверсификации рыбодобычи, а также модернизацию рыбозаводов с целью обеспечения более глубокой переработки.

Помимо зависимости от внешней торговли, финансовая зависимость Гренландии также остается на критически высоком уровне. Финансовая зависимость от Дании выражается в том, что государственный сектор Гренландии финансируется правительством Дании, а также в доле расходов Дании на Гренландию в валовом внутреннем продукте (ВВП). Около 48% доходов государственного сектора Гренландии поступает от финансирования (включая единовременные субсидии) правительства Дании (см. Statistics Greenland, Nationalregnskab 2000). Доля расходов Дании на Гренландию составляет в ВВП страны около 40%. В целом следует признать, что финан-

совая зависимость Гренландии остается прочной и высокой (Larsen 2002b, 2003). Зависимость Гренландии от внешних технологий также остается значительной. В литературе технологическая зависимость измеряется по таким критериям, как зависимость от иностранного технологического персонала и промышленных товаров. Если судить по этим показателям, Гренландию следует признать страной с высокой степенью технологической зависимости. Технологическая зависимость с точки зрения импорта специалистов из Дании (доли работоспособного населения, родившегося за пределами Гренландии) снизилась в период после введения автономии (см. Larsen 2002b). Эта тенденция обусловлена, по крайней мере отчасти, повышением образовательного уровня и введением приоритета для гренландцев при найме на работу (см. Grønlands Hjemmestyre 1999). С другой стороны, технологическая зависимость в доле импорта промышленных товаров (отношение промышленного импорта ко всему импорту, по данным статистики международной торговли) оставалась относительно стабильной в рассматриваемый период. Этот показатель колебался в диапазоне 15–27%. Доля промышленного импорта колебалась в довольно узком диапазоне, при этом в середине 1950-х наблюдалась тенденция к росту, продолжавшаяся до начала 1960-х. Было еще одно, хотя и незначительное, увеличение этого показателя в середине 1960-х. Эти подъемы совпадают по времени с датскими инициативами развития, известными как G-50 и G-60 (напр., Greenland Commission 1950, 1964; Boserup 1963). В течение 1980-х также отмечена значительная тенденция роста, совпавшая с введением автономии, после чего последовал спад до уровня, предшествовавшего автономии. В целом эмпирические данные свидетельствуют о сохранении высокого уровня внешней зависимости Гренландии. Гренландии свойствен высокий уровень по всем рассматриваемым показателям торговой, финансовой и технологической зависимости. Таким образом, достижения в экономическом развитии, включая модернизацию рыболовства и развитие государственного и частного секторов, не привело к заметному снижению внешней зависимости.

Представленные здесь результаты анализа процессов развития во временных рядах указывают на возможность снижения уровня зависимости страны в определенные периоды. Другими словами, зависимость не рассматривается как постоянное и неизбежное условие. Сохранение высокого уровня

зависимости, как в Гренландии, не создает абсолютного барьера для экономического развития. Создаваемые препятствия преодолимы с помощью верной стратегии экономического развития. Если судить по примененным индексам, даже развитые страны могут демонстрировать определенный уровень зависимости; с другой стороны, те же показатели по зависимым странам могут выявить периоды ослабления зависимости. Тем не менее, в противоположность развитой экономике, экономика, характеризующаяся малым объемом, открытостью и ресурсной зависимостью (как в Гренландии), может быть определена как зависимая, поскольку слаба как в мобильности ресурсов, так и способности развивать экономические альтернативы. Это создает препятствия к эффективной минимизации негативных последствий внешних колебаний и потрясений. Различие между развитой и развивающейся экономикой, таким образом, состоит в уровне реагирования на нестабильность при наличии зависимости. Развитые страны, как правило, имеют более гибкую и диверсифицированную экономику, что позволяет им минимизировать негативные последствия внешних колебаний и потрясений благодаря использованию внутренних и внешних альтернативных ресурсов. Гренландия по-прежнему испытывает недостаток не только ресурсов, но и гибкости в использовании имеющихся ресурсов. Существенные ресурсные ограничения, наблюдаемые в Гренландии, отражаются на уровне зависимости от импортируемого персонала, степени финансовой зависимости и высокой концентрации в торговле. Свойственная Гренландии нехватка гибкости и мобильности представляет собой лишь один аспект широкого спектра факторов зависимости от внешней среды. При этом возникает вопрос, оказывает ли высокий уровень зависимости негативный эффект на рост и стабильность экономики? Ниже представлен обзор результатов эмпирической проверки гипотезы, позволяющий пролить свет на это вопрос.

Зависимость и экономический рост

В теории зависимость останавливает рост, хотя у нас нет тому эмпирических подтверждений или опровержений из опыта Гренландии и других арктических стран. Представленные здесь результаты получены на основе проверки гипотезы, действительно ли внешняя зависимость сдерживает экономический рост. В частности было проверено соотношение между выборочными

показателями зависимости и экономического роста в Гренландии, и сделаны выводы о том, в какой степени зависимость является фактором, характеризующим экономический рост. В целом результаты оценки динамических моделей временных рядов, с использованием годовых макроэкономических показателей за период 1955–2000 гг., не подтверждают теоретического положения о существовании отрицательной связи между экономическим ростом и зависимостью. Скорее они указывают на положительную связь между ростом и некоторыми показателями зависимости (см. Larsen 2002b). Основные итоги анализа, оставая в стороне технические аспекты оценки, указывают на существование отрицательной зависимости темпов роста реального ВВП Гренландии от темпов роста финансовой зависимости, в чем можно видеть эффект вытеснения частных инвестиций и инициатив. Однако другие показатели зависимости выявили либо положительное влияние на темпы экономического роста, либо были статистически незначительными. Например, технологическая зависимость, измеряемая коэффициентом промышленного импорта и долей иностранного персонала среди работающих, положительно ассоциируется с экономическим ростом; вместе с тем наши данные не подтверждают, что концентрация торговли (измеряемая товарной и географической концентрацией импорта и экспорта, а также долей сырьевого экспорта) является существенным фактором экономического роста. Хотя по результатам эмпирических тестов показатели концентрации торговли не ассоциируются с экономическим ростом, данные показывают, что экономический рост Гренландии зависел от общего роста доходов от сырьевого экспорта. Результаты, основанные на эконометрическом моделировании и анализе причинности по Гренджеру, свидетельствуют, что сырьевой экспорт может производить эффект «просачивания благ», способствовавший экономическому росту в постколониальной Гренландии (Larsen 2002a). Часто говорят, что сырьевой экспорт не может эффективно способствовать экономическому развитию из-за слишком медленного роста сырьевых рынков (нестабильных ввиду колебания цен и не обеспечивающих рост экономики и доходов), ожидаемой диверсификации экспортных отраслей и создания слабых или несуществующих связей; однако экспорт сырья в Гренландии сыграл существенную роль в стимулировании экономического роста. Данные свидетельствуют о широком спектре стратегий развития, в значительной мере акцентированных на экспортных стратегиях на

протяжении пост-колониального периода. Хотя представленные результаты показывают развитие сырьевого экспорта как фактора экономического роста в 1955–2000 гг., ключевой проблемой для Гренландии является обеспечение долговременного устойчивого роста. Это, скорее всего, требует гибкости и мобильности ресурсов, а также значительных инноваций, способных обеспечить переход на другие виды экспорта и, возможно, переориентацию производства на внутренний рынок, а также выход на новые экспортные рынки. Гренландии предстоит решить немало проблем, включая преодоление ограничений ресурсной гибкости и постоянной стесненности в средствах, поиск выхода на новые экспортные рынки, а также трудностей, связанных с крайней малочисленностью и рассредоточенностью населения, создающей препятствия к достижению уровня экономики, достаточного для развития внутреннего рынка.

Зависимость и экономическая нестабильность

Высокий уровень зависимости наряду с недостатком гибкости и мобильности ресурсов, по-видимому, является важным фактором подверженности Гренландии колебаниям и потрясениям. Если зависимость не оказывает прямого негативного влияния на экономический рост, остается вопрос, может ли она косвенно негативно воздействовать на экономический рост, ассоциируясь с нестабильностью. Макроэкономическая нестабильность может измеряться как среднеквадратическое отклонение от значений преобладающих тенденций, где основной проблемой являются отклонения от прогнозируемой тенденции. Не все отклонения проблемны, если отражают изменения во вкусах потребителей, технологии и структуре предложения. Отклонения следует рассматривать как нежелательные, если они не отвечают какой-либо цели, а провоцируют колебания других переменных, таких как бюджетные доходы и государственные инвестиции, которые могут в свою очередь повлиять на краткосрочную макроэкономическую стабильность и долгосрочное экономическое развитие (см. Wilson 1994). Вообще именно спорадические отклонения от “нормальных” уровней доходов, в противоположность регулярным колебаниям, должны вызывать озабоченность. Например, уровень доходов может быть подвержен колебаниям на протяжении опре-

деленного периода времени, при этом эти колебания вполне прогнозируемы. Такие известные или предсказуемые события не обязательно приводят к негативным последствиям, поскольку регулярность колебаний позволяет легче спрогнозировать уровень экспорта и поступлений на каждый год и принять своевременное решение о проведении политики стабилизации. Однако малые объемы, неразвитость и зависимость экономики Арктики ограничивают масштабы возможных корректив такими обстоятельствами, как нехватка средств и недостаток политической и экономической автономии, поэтому маловероятно, что правительства стран Арктики смогут проводить эффективную политику снижения и минимизации шоковых эффектов, даже допуская, что они смогут весьма точно предвидеть перспективы развития. Зависимость Гренландии от добывающих отраслей и высокий уровень концентрации торговли, могут, таким образом, служить объяснением ее экономической нестабильности. Кроме того, экономические структуры Гренландии, как и других арктических стран, характеризуются ограниченной диверсификацией, поэтому здесь уровень экономической нестабильности может оказаться выше, чем в не-арктических странах, где экономические структуры более диверсифицированы. Отсутствие значительных диверсифицированных ресурсов в Арктике и узость внутреннего рынка, как правило, ограничивают способность экономики этого региона эффективно реагировать на внезапные изменения спроса на продукцию. Концентрация на малом числе товаров снижает шансы смягчить или компенсировать эффект колебаний в одном виде экспорта за счет противоположно направленных колебаний или стабильности остальных. Для объяснения уровня экономической нестабильности в регионе следует также отметить, что поступления от сырьевого экспорта по своей природе подвержены более заметным краткосрочным колебаниям, чем, скажем, поступления от производящих отраслей (Larsen 2002b, 2003).

Эконометрические тесты с использованием метода среднеквадратических отклонений от прогнозируемых значений показывают, что в Гренландии уровень экономической нестабильности высок, имея в виду нестабильность экспорта и доходов. Результаты показывают, что нестабильность ассоциируется с индикаторами внешней зависимости. Во-первых, эконометрические данные подтверждают, что зависимость от ограниченного числа первичных ресурсов является источником

нестабильности экономики Гренландии. В частности, увеличение доли сырьевого экспорта и доли экспорта рыбы в общем объеме экспорта повышает нестабильность экспортных поступлений. Во-вторых, нестабильность реального ВВП позитивно связана с финансовой зависимостью и отрицательно с технологической зависимостью, измеряемой долей промышленного импорта. Результаты оценки не показали статистически значимой зависимости между ВВП и индикаторами торговой зависимости и концентрации экспортных поступлений.

Наблюдаемый в Гренландии уровень экономической нестабильности вкуче с очевидной связью между индикаторами зависимости и нестабильностью, вызывает вопрос о возможной не прямой связи между зависимостью и экономическим ростом. Данные показывают наличие прямой положительной связи между некоторыми индикаторами зависимости и экономическим ростом, однако зависимость может оказывать не прямое отрицательное воздействие на экономический рост через свою связь с нестабильностью (см. Shinka 1999; Grirmay et al. 1999). Эмпирическое исследование связей и причинности между экономической нестабильностью и экономическим ростом в Гренландии выявляет негативную ассоциацию, т.е. экономическая нестабильность сдерживает экономический рост (см. Larsen 2002b). Слабая экономическая диверсификация и значительные ограничения в гибкости ресурсов Гренландии могут до некоторой степени объяснить соотношение экономической нестабильности и экономического роста. Отрицательная связь означает трудность прогнозирования и точного реагирования на потрясения внутренней экономики, а также своевременного проведения стабилизирующей политики. Ограниченная диверсификация экономики и низкий уровень доходов на душу населения могут быть важными факторами для объяснения уровня экономической нестабильности в Арктике. Недостаток диверсификации и низкие доходы создают среду, в которой перераспределение ресурсов затруднено. В целом проблема нестабильности, которая, вероятно, связана с неопределенностью относительно государственных и частных ресурсов, может осложнять планирование развития и, следовательно, сокращать темпы роста экономики ниже уровня, достижимого при большей определенности.

Вышесказанное позволяет заключить, что Гренландия сохраняет сильную зависимость от Дании в финансировании, торговле и технологии. Более того, уровень нестабильности экспорта и доходов в Гренландии достаточно высок, и нестабильность ассоциируется с некоторыми показателями экономической зависимости, действующей как сила, тормозящая процессы роста экономики Гренландии. Эти результаты указывают на необходимость выработки стратегии экономического развития с акцентом на диверсификации экономики и с учетом существующего уровня экономической зависимости и ее отрицательного влияния на экономическую стабильность и экономический рост.

Литература

Boserup, Mogens. 1963. *Økonomisk Politik i Grønland*. Grønlandsudvalget af 1960, Copenhagen.

Danielsen, Mogens, Thomas Andersen, Thorkild Knudsen & Olafur Nielsen. 1998. *Mål og Strategier i den Grønlandske Erhvervsudvikling*. Sulisa A/S, Nuuk, Greenland.

Det Rådgivende Udvalg Vedrørende Grønlands Økonomi. 1997. *Beretning om den Økonomiske Udvikling I Grønland*. Statsministeriet: Copenhagen.

Ghirmay, T., Sharma, S.C. and R. Grabowski. 1999. "Export Instability, Income Terms of Trade and Growth: Causal Analyses." *Journal of International Trade and Economic Development*. Vol. 8, No. 2.

Greenland Commission, Grønlandskommissionen af 1948. 1950. *Betænkning afgivet af Grønlandskommissionen af 1948*, (G-50 Betænkningen)

Greenland Commission, Grønlandsudvalget af 1960. 1964. *Betænkning fra Grønlandsudvalget af 1960*, (G-60 Betænkningen).

Grønlands Hjemmestyre. 1994. *Landsplanredegørelse*. Økonomidirektoratet. Nuuk.

Grønlands Hjemmestyre. 1999. *Politisk-økonomisk Redegørelse*. Nuuk.

Larsen, J.N. 2002a. "Trade Dependency and Export-Led Growth in an Arctic Economy: Greenland,

- 1955-1998." In *Native Voices in Research*. Editor: Jill Oakes. Native Studies Press, University of Manitoba.
- Larsen, J.N. 2002b. Ph.D. Dissertation: "Economic Development in Greenland: A Time series Analysis of Dependency, Growth, And Instability." University of Manitoba.
- Larsen, J.N. 2003. Upcoming: "Causes and Consequences of Economic Instability in Greenland." To be published in *Polar Records*, Scott Polar Research Institute, Cambridge, UK.
- Poole, G. 1990. "Fisheries Policy and Economic Development in Greenland in the 1980s." *Polar Record*. Vol. 26, No. 157, pp. 109-118.
- Poole, G. 1992. "An Economic Analysis of Development of Greenland's Shrimp Fishing and Processing Industry." In *Nordic Arctic Research on Contemporary Arctic Problem. Proceedings from Nordic Research Forum Symposium*. Ed. Lise Lyck.
- Sinha, Dipendra. 1999. *Export Instability, Investment and Economic Growth in Asian Countries: A Time-Series Analysis*. Yale University: Center Discussion Paper No. 799.
- Statistics Denmark. *Statistisk Årbog*. (Statistics Yearbook) Annual Publication. Various years, 1955-2001.
- Statistics Greenland, *Statistical Yearbook*. Annual Publication. Various years, 1950-2001. Nuuk.
- Statistics Greenland. 2000. *Nationalregnskab*. Nuuk.
- Wilson, P. 1994. "Export Earnings Instability of Singapore, 1957-1988: A Time Series Analysis." *Journal of Asian Economics*. Vol. 5, No. 3, pp. 399-412.

Развитие человеческого капитала и адаптация рынка труда в странах Балтии

Татьяна Муравска

Тийу Паас

Ключевым вопросом для развития Севера является обеспечение устойчивого экономического роста. Решающее значение в этом имеет человеческий капитал. Опыт стран Балтии является еще одним доказательством того, что хорошие политические и экономические институты оказывают значительное влияние на развитие человеческого капитала и, в итоге, на рост уровня жизни населения. Интеграция стран Балтии в мировую экономику, их ориентация на европейскую интеграцию и трансатлантическую безопасность через членство в НАТО, о чем было заявлено в начале переходного этапа, стали важной внешней опорой, усилившей процесс политических и экономических реформ и обеспечившей широкий спектр целей в различных областях.

Благоприятное географическое положение стран Балтии между Востоком и Западом, их исторические и культурные традиции сотрудничества с другими странами Балтийского региона, их опыт рыночной экономики между двумя мировыми войнами, стали важными исходными условиями и детерминантами перехода, повлиявшими как на экономическое развитие, так и на процесс вхождения этих стран в ЕС. После восстановления независимости в 1991 г. правительства стран Балтии следовали сходным принципам экономической политики, направленным на решение следующих основных задач:

- 1) либерализация цен и постепенный отказ от государственного субсидирования;
- 2) приватизация государственных предприятий;
- 3) введение собственной валюты посредством создания системы валютного управления (Эстония и Литва) или регулярной поддержки курса (Латвия);
- 4) поддержание прочной налоговой политики;
- 5) введения относительно либерального режима внешней торговли: наиболее либеральной была внешнеторговая политика Эстонии – она ввела систему внешней торговли без тарифов и количественных ограничений; Литва установила развернутую систему торговых барьеров; Латвия в либерализации внешней торговли занимала позицию где-то между Литвой и Эстонией.

Ретроспектива и перспектива: наवरстывание

Материальное благосостояние населения является важным аспектом человеческого развития; по этой причине авторы настоящей статьи уделяют большое внимание анализу экономического роста, рынка труда и заработной платы.

Экономическое развитие стран Балтии в постсоциалистический период было нацелено на ликвидацию отставания по многим аспектам от развитых стран. Хотя политические, правовые и институциональные критерии безусловно важны,

мы концентрируем внимание на экономических аспектах проблемы. Экономический рост служит повышению уровня жизни и общему развитию, позволяя повысить благосостояние населения во всех сферах жизни.

Во всех странах Балтии произошел рост ВВП в ходе первого поколения реформ (1992–1994); рост 1996–1998 гг. был обеспечен прочным макроэкономическим фундаментом; приостановка 1998 и 1999 гг. случилась вследствие российского кризиса.

Второе поколение реформ нацелено на ликвидацию разрыва в уровне доходов между странами Балтии и ЕС по уровню ВВП и на достижение реального сближения. Вхождение стран Центральной и Восточной Европы в ЕС способно привести к возникновению конфликтов между ними и странами-членами ЕС, если не произойдет быстрого сокращения различий в уровне доходов на душу населения. Эти опасения, однако, в значительной степени уравниваются “наверстыванием”, предлагаемом как теорией, так и опытом развивающихся стран: если их развитию не препятствуют институциональные барьеры, они, как правило, развиваются быстрее, чем богатые страны, при этом наблюдается тенденция к сближению по показателям уровня ВВП на душу населения. В последние годы процесс наверстывания, как будто, начался.

Реальное влияние экономики стран Балтии на процессы расширения ЕС на восток не может быть значительным ввиду небольшого объема рынка этих стран по сравнению с рынками стран-членов ЕС и других стран-кандидатов. Доля населения стран Балтии составляет лишь 2% от населения 15 стран ЕС (ЕС15) и 7,4% от населения 10 стран-кандидатов (СК10). ВВП стран Балтии составляет около 0,3% от ЕС15 и 6,3% от общего ВВП СК10; уровень их ВВП на душу населения составляет лишь около 30% от аналогичного показателя ЕС15 (34% в Эстонии, 26% в Латвии и 28% в Литве) (Straubhaar 2001, 170). Если судить по этим цифрам, процесс сближения стран Балтии с ЕС по уровню ВВП на душу населения займет более 50 лет (к 2054 в Эстонии, 2065 в Литве и 2068 в Латвии) (там же).

Рынки труда в странах Балтии заслуживают особого внимания. Изменения на рынках труда в этих странах в последние десять лет были очень быстрыми по сравнению с другими странами с переходной экономикой. Если мы попытаемся

проанализировать структурные изменения (или адаптацию) на рынках труда стран Балтии в различных секторах, то увидим, что темпы реструктуризации были особенно высокими по сравнению со странами Запада, странами ЕС и Японией. Структура экономики и рынка труда в странах Балтии уже приблизилась к структуре промышленно развитых стран. Доля различных секторов может быть представлена следующим образом:

- Промышленность – 25–30%
- Сельское хозяйство – 10–15%, в Эстонии менее 10%
- Услуги – 50–60%

Уровень занятости является важным показателем связи между экономическим ростом и развитием человеческого капитала. Рационализация занятости помогает снизить уровень бедности и неравенства. Уровень безработицы во всех трех странах на сегодняшний день значителен: 13–15% в 2000 г. и 12–13% в 2002 г. (Статистические ежегодники Эстонии, Латвии, Литвы, 2003). При этом по-прежнему сохраняется нехватка рабочей силы. Таким образом, во всех трех странах наблюдается проблема структурной безработицы.

В рамках экономической политики важно совершенствовать систему оплаты труда. Использование международного опыта в отношении политики занятости и доходов населения должно, тем не менее, основываться на гармонизации с международными законодательными нормами и директивами ЕС.

Население стран Балтии, как и других стран бывшего Советского Союза, пострадало от значительного снижения покупательной способности в начале переходного периода из-за политики шоковой терапии, примененной вместо постепенных реформ. Дискуссия по этим вопросам была вызвана недавними статьями Штиглица (Stiglitz's 1999a; 1999b); однако, несмотря на эти разногласия, нет сомнения, что быстрые, радикальные и полномасштабные реформы в экономической и институциональной сферах обеспечили лучшие результаты перехода, чем компромиссы и постепенные перемены (Dabrowski, Gortat, 2001; EBRD, 2000; World Bank, 2000).

Частичное восстановление реального уровня заработной платы началось в Эстонии и Латвии в 1993 г., в Литве в 1994 г.; с тех пор уровень жизни

постоянно рос в большем или меньшем соответствии с аналогичными тенденциями в центрально-европейских странах с переходной экономикой. Российский экономический кризис осени 1998 г. не нарушил положительной тенденции роста реальных доходов, несмотря на потерю некоторого числа рабочих мест. Эстонские рабочие на сегодняшний день имеют самый высокий уровень реальной оплаты труда в странах Балтии, в последнее время заметные улучшения произошли в Литве.

О регулировании труда

Страны Балтии следуют основным международным стандартам регулирования труда. Регулирование отношений занятости в целом соответствует международным стандартам: ратифицированы наиболее важные конвенции МОТ, законодательство обеспечивает защиту прав работающих относительно продолжительности рабочего дня, оплаты труда, отпуска и расторжения контрактов. Кроме того, приняты меры для защиты уязвимых категорий работников – людей пожилого возраста, беременных женщин, матерей, инвалидов и т.д. Конечно, существуют определенные различия в мерах регулирования между странами Балтии. Например, в Литве правовое регулирование влияет более негативно на гибкость рынка труда, чем в Латвии, вследствие более высокой минимальной зарплаты, более длительного срока предварительного уведомления и более высокой компенсации при расторжении контракта работодателем.

Используя суммарные показатели (Paas, 2002) для сравнения регулирования трудовых отношений стран Балтии и ЕС, мы отмечаем, что по индексу правовых ограничений при индивидуальных увольнениях в Латвии увольнения менее обеспечены нормами регулирования, чем в Эстонии и Литве. Этот показатель в странах Балтии выше, чем в среднем в странах Европейского Союза. С другой стороны, использование срочных контрактов менее ограничено в Балтийских государствах, чем в ЕС. В то же время их использование менее ограничено в Литве, чем в Латвии и Эстонии. В Латвии и Литве статус государственных служащих регулируется специальными законами. Государственные служащие имеют некоторые преимущества, но при этом и дополнительные обязанности. Во всех трех странах Балтии статус людей, не имеющих работы, регулируется законодательно, и они обла-

дают определенными правами. В Литве пособие по безработице выше, чем в Латвии, и условия его получения менее жесткие. В то же время из трех стран только Латвия имеет программу страхования по безработице, сопоставимую с аналогичными программами ОЭСР и стран Центральной Европы.

Улучшение системы оплаты труда должно быть основано на достижении лучшего баланса между уровнем оплаты, объемом работы, ее качеством и производительностью.

Со временем, учитывая влияние Общего рынка, а теперь и Европейского Валютного Союза, усиливается или будет усиливаться эффект выравнивания цен в рамках ЕС. Оба фактора развития окажут существенное влияние на формирование экономики стран Балтии после их вхождения в ЕС. При этом речь не идет о полном выравнивании цен и оплаты труда. Примечательно, что, несмотря на свободное перемещение рабочей силы, обеспеченное политикой Общего рынка, мобильность рабочей силы в ЕС не стала значительно выше.

Существующие языковые и культурные барьеры мобильности по-прежнему играют свою роль, замедляя процесс выравнивания оплаты труда. С другой стороны, различия в среднем уровне оплаты труда между странами ЕС и Балтии, очевидно, намного выше, чем между средними показателями ЕС и любой из входящих в него стран.

Противовесом возможной миграции рабочей силы представляется стимулирование инвестиций, обеспеченное членством в ЕС, которое будет способствовать экономическому росту и созданию рабочих мест, сдерживая отток рабочих. Это, однако, не снимает основного эффекта выравнивания уровня оплаты труда, поскольку рост спроса на рынке труда вызовет рост уровня зарплаты и его сближение с показателями ЕС.

Однако при любом сценарии различия в уровне оплаты должны уменьшиться, а это, в свою очередь, приведет к утрате относительных преимуществ в использовании дешевой рабочей силы.

Что делать?

Необходимо признать, что различия в уровне доходов между странами Балтии к моменту их вхождения в ЕС и НАТО и индустриальными

странами останутся больше, чем хотелось бы. Проблемы могут возникнуть в различных областях, включая мобильность рабочей силы. Имея в виду важность этой проблемы, мы должны подчеркнуть, что достижение настоящего сближения может рассматриваться не только как условие, но и как результат членства в обеих организациях. Две основные задачи должны быть решены Балтийскими странами-кандидатами ЕС, которые одновременно испытывают трудности переходного периода и проблемы, связанные с вхождением в ЕС:

- 1) Нарастить маневренность в сфере труда – это необходимо для соответствия требованиям Европейского валютного союза (ЕВС) и оптимальной валютной зоны.
- 2) Способствовать адаптации населения к быстрым изменениям на рынке труда – это необходимо для сохранения социального мира.

В каком-то смысле эти задачи противоречат друг другу. Менее регулируемый рынок труда и слабые профсоюзы, как правило, обеспечивают большую гибкость рынка труда. Но в этом случае менее защищенные слои населения будут вынуждены отстаивать свои права. Для того чтобы избежать социальных конфликтов, необходимо уделять больше внимания решению социальных проблем.

Литература

“Catching Up and EU Accession - Conditions for Fast Real Convergence in the Candidate Countries” IIASA’s publications web site <http://www.iiasa.ac.at/Publications/Documents/IR-02-068.pdf>.

EBRD (2000): Transition Report 2000, European Bank for Reconstruction and Development.

Marek Dabrowski and Radzislawa Gorta (2001) Political and Economic Institutions, Growth and Poverty – Experience of Transition Countries. Centre for Social and Economic Research, Warsaw

OECD Economic Outlook, Preliminary Edition to No.73, April 2003: Volume 2003 Issue 1.

Paas, T., Eamets, R., Masso, J., Rõõm, M. Labour Market Flexibility and Migration in the Baltic States: Macro Evidences, University of Tartu, Faculty of Economics and Business Administration Working Paper Series, Number 16/2003, Tartu, 2003.

Statistical Yearbook of Estonia 2002, Statistical Office of Estonia, Tallinn, 2003.

Statistical Yearbook of Latvia 2002, Statistical Office of Latvia, 2003

Straubhaar, T. East-West Migration: Will It Be a Problem? INTERECONOMICS, 2001, July/August.

Stiglitz, Joseph, Whither Reform? World Bank ABCDE, 1999
http://www.worldbank.org/research/abcde/washington_11/pdfs/stiglitz.pdf.

World Development Report 2002: Building Institutions for Market, The World Bank.

